

Саша Вей

*Клетка для Евы, или иллюзия
подчинения*

18+

Саша Вей

Клетка для Евы, или иллюзия подчинения

<https://litres.ru/74034778>

SelfPub; 2026

Аннотация

Самая фатальная ошибка хищника — запереть в своей клетке ту, что сама пришла за его жизнью.

Демиан Воронов — безжалостный хозяин теневой Москвы, не знающий слова «нет». Ева — хрупкая певица из его клуба, идеальная добыча. Он похищает ее, запирает в роскошной оранжерее своего особняка и требует невозможного: полного, безоговорочного подчинения плоти и разума. Он уверен, что сломил ее, упиваясь ее слезами и дрожью.

Но Демиан не знает главного. Ева — не сломленная игрушка. Она — элитный агент под прикрытием, чья миссия — ликвидировать его ровно через неделю. Ее покорность — смертоносное оружие, а животный страх — идеальная маска, чтобы подобраться к его сонной артерии.

Кто из них на самом деле захлопнул ловушку? И чей яд подействует быстрее, когда все маски будут сброшены?

В тексте есть:

Морально серый, одержимый герой

Сильная героиня-хищница под маской жертвы

Вынужденное слияние и похищение

Игры разума и обжигающее напряжение (темный роман 18+)

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	12
Глава 2.	19
Глава 3.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Саша Вей

Клетка для Евы, или иллюзия подчинения

Пролог.

Фундаментальная ошибка человечества заключается в слепой, почти наивной вере в то, что клетка — это всегда насилие, а свобода — всегда благо. В философии плоти, где социальные нормы сгорают дотла при температуре человеческой страсти, эти понятия меняются местами. Истинная, пугающая свобода обретается лишь тогда, когда ты добровольно отдаешь ключи от своей воли тому, чья тьма идеально совпадает с твоей.

Стекла панорамных окон в западном крыле особняка содрогались от ударов осеннего ливня. Ночная гроза рвала небеса над Москвой на части, но здесь, по эту сторону пуленепробиваемого барьера, царила густая, дурманящая тишина. Она пахла цветущими черными орхидеями, расплавленным воском свечей и тяжелым, терпким мускусом мужского желания.

Я стояла у окна, прижимаясь разгоряченным лбом к ледяному стеклу. На мне не было ничего, кроме нити крупно-

го жемчуга, охлаждающей ключицы. Мое дыхание оставляло на стекле влажные, мутные пятна. Я чувствовала его присутствие спиной. Хищник не издает звуков, когда приближается к своей добыче. Он просто меняет плотность воздуха вокруг нее.

Демиан Воронов подошел сзади. Его литое, покрытое шрамами тело излучало жар, подобный жару раскаленной доменной печи. Когда его широкая, мозолистая ладонь легла на мою талию, по моему позвоночнику ударил электрический разряд, заставивший волосы на коже встать дыбом.

— Птичка, — его голос, низкий, вибрирующий баритон, прозвучал у самого моего уха. Этот звук обладал собственной гравитацией; он тянул меня вниз, заставляя колени предательски слабеть.

Он не стал разворачивать меня. В мире, где правит абсолютное подчинение, зрительный контакт не всегда обязателен. Иногда достаточно лишь слепой, безоговорочной тактильности. Его вторая рука медленно заскользила вверх по моему животу, пересчитывая ребра, замирая под грудью, там, где мое сердце билось с бешеной, птичьей скоростью.

— Ты дрожишь, — констатировал он, прижимаясь твердым торсом к моей спине. Жесткая щетина на его подбородке оцарапала мое плечо.

— Мне не холодно, — выдохнула я, откидывая голову назад, укладывая ее на его плечо, добровольно открывая ему самую уязвимую часть своего тела — пульсирующую линию

горла.

В этом жесте заключался величайший парадокс нашей вселенной. Руки, которые сейчас так бережно скользили по моей коже, за несколько часов до этого ломали кости, отдавали приказы о ликвидации и держали за горло криминальную империю. Демиан был монстром. Жестоким, расчетливым, лишенным эмпатии палачом. Но здесь, в полумраке этой спальни, он превращался в язычника, нашедшего свое единственное божество.

Его губы коснулись моей шеи. Влажно, горячо, с затаенной угрозой укуса. Я тихо застонала, когда его зубы слегка прихватили натянутую кожу, не прокусывая, но предупреждая о том, на что он способен.

Он подхватил меня на руки одним слитным, мощным движением, отрывая от спасительного холода стекла, и понес к огромной кровати, застеленной темным, тяжелым шелком. Мое тело было абсолютно расслабленным, податливым, как вода. Я позволила ему уложить себя на спину.

Демиан навис надо мной, опираясь на руки. В неровном свете молний его глаза казались абсолютно черными, бездонными колодцами. В них плескался голод, который невозможно было утолить. Это был голод собственника, желающего не просто обладать телом, но выпить самую суть, растворить мою личность в своей.

Он раздвинул мои бедра коленями и медленно опустил-ся ниже. Его ладони жестко зафиксировали мои запястья по

обе стороны от моей головы, вдавливая их в мягкий матрас. Иллюзия порабощения была безупречной.

— Кому ты принадлежишь, Ева? — прорычал он, и его голос сорвался, полный темной, извращенной страсти.

— Твоей тьме, — прошептала я, глядя прямо в его безумные глаза.

Когда он вошел в меня — резко, властно, до самого предела, — мир взорвался мириадами белых искр. Моя спина выгнулась дугой, отрываясь от постели. С моих губ сорвался крик, в котором невыносимая сладость смешалась с первобытной болью вторжения. Истинное наслаждение всегда рождается на границе агонии. В этот момент мы пересекли эту границу, оставив человеческое далеко позади.

Мы двигались в рваном, диком ритме. Это не было нежным занятием любовью. Это была схватка двух хищников, пытающихся сожрать друг друга. Каждый его толчок был утверждением его безграничной власти, клеймом, которое он выжигал на моей плоти. Я извивалась под ним, отвечая на его грубость своей собственной, животной жадой. Я вырвала одну руку из его захвата, мои ногти впились в его спину, оставляя на загорелой коже глубокие, кровоточащие борозды. Я хотела, чтобы ему было больно. Хотела, чтобы он запомнил меня каждой своей нервной клеткой.

Он перехватил мою руку, сплетая свои пальцы с моими, сжимая так крепко, что захрустели суставы. Он склонился, впиваясь в мои губы поцелуем, полным крови, пота и соле-

ного вкуса слез, выступивших в уголках моих глаз. Мы пили дыхание друг друга, задыхаясь, плаваясь в этом горниле.

На пике наслаждения, когда реальность начала распадаться на атомы, он замер на долю секунды, глядя на мое разрумянившееся, искаженное экстазом лицо, и прошептал:

— Моя. Навсегда моя ядовитая птичка.

Мощная волна оргазма накрыла меня, стирая имя, стирая прошлое, оставляя лишь чистую, пульсирующую энергию. Демиан издал глухой рык, изливаясь в меня, отдавая мне свою жизненную силу, падая на мою грудь, тяжело и прерывисто дыша.

Тишина вернулась в спальню, нарушаемая лишь стуком капель по стеклу и нашим сумасшедшим сердцебиением. Он лежал на мне, зарывшись лицом в мои разметавшиеся волосы. Его огромная рука покоилась на моем животе, охраняя свою территорию даже во сне.

Я гладила его по напряженной, влажной от пота спине, чувствуя, как его дыхание выравнивается. Он заснул. Самый страшный человек столицы спал на моей груди с безмятежностью ребенка.

Именно в такие моменты, в моменты абсолютной тишины и мнимой безопасности, реальность бьет сильнее всего.

Мой взгляд, еще секунду назад затуманенный похотью, медленно прояснился. Он стал холодным. Острым. Оценивающим. Взглядом человека, который привык выживать там, где другие превращаются в пыль. Я скосила глаза на элек-

тронные часы, светящиеся в темноте рубиновым светом.

03:15.

До ликвидации объекта оставалось чуть меньше четырех дней.

Вы смотрите на эту сцену и думаете, что понимаете, о чем эта история. Вы думаете, что видите классическую сказку о жестоком мафиози и сломленной невинной жертве, которая влюбилась в своего мучителя, одурманенная стокгольмским синдромом. Вы думаете, что моя покорность — это результат его силы.

Вы ошибаетесь.

Я не была невинной певицей, случайно попавшей в лапы зверя. Мое имя не Ева. Мои слезы — это результат многолетних тренировок вегетативной нервной системы, а мои стопы — идеальный, математически выверенный инструмент манипуляции. Я — агент правительственного синдиката под прикрытием. Яд, который я должна влить в его любимое «Шато Марго» в следующий четверг, уже лежит в потайном кармане моей сумочки.

Демиан Воронов думал, что запер в своей золотой клетке испуганную канарейку. Он не знал, что сам, добровольно, впустил в свою постель хищницу, которая пришла, чтобы остановить его сердце.

Но философия плоти не знает пощады. Играя в любовь, чтобы подобраться к его артерии, я совершила роковую, непростительную ошибку. Я позволила яду притяжения про-

никнуть в мою собственную кровь. Лежа под тяжестью мужчины, которого я обязана убить, чувствуя, как сладко ноет мое тело от его недавних грубых ласк, я понимала, что проиграла эту войну еще до того, как сделала первый выстрел.

Но чтобы понять, как холодный, идеальный механизм Агентства превратился в истекающую кровью женщину на простынях убийцы... Чтобы осознать, как палач добровольно положил свою голову на плаху... нам нужно отмотать время назад. К самому началу этой больной, извращенной партии.

К тому моменту, когда я позволила ему себя поймать. К запаху заводской кожи, жесткому пластику стяжек на запястьях и темноте багажника его черного «Майбаха».

Глава 1.

Самая большая ошибка в похищении человека — это похитить того, кто сам планировал твоё убийство.

Багажник черного «Майбаха» пах заводской кожей, дорогим воском и едва уловимым, металлическим привкусом чужой крови, въевшимся в обивку. Мои запястья были стянуты пластиковыми хомутами так туго, что кисти уже начали неметь, а на голову был надет плотный холщовый мешок, лишаящий не только зрения, но и остатков кислорода. Я задыхалась. Точнее, я изображала, что задыхаюсь.

Мое сердце билось с бешеной скоростью — сто сорок ударов в минуту. Любой кардиомонитор подтвердил бы, что я нахожусь на грани панической атаки. Это был результат долгих лет тренировок: умение контролировать свою вегетативную систему, чтобы даже самый опытный палач поверил в мой животный ужас. Но глубоко внутри, за этой идеальной ширмой дрожащей жертвы, мой разум оставался холодным, как лед в бокале с виски.

Я должна была убить Демиана Воронова только в следующий четверг. План был выверен до секунды: подкупленный сомелье, капля тетродотоксина в его любимом «Шато Марго», случайное отключение камер на парковке. Но Демиан, жестокий, непредсказуемый и абсолютно безумный хозяин теневой Москвы, оказался нетерпелив. Он не стал ждать, по-

ка я, скромная певица из его элитного клуба, чье сценическое имя было Канарейка, сама придет в его ловушку. Он просто забрал меня с улицы, как забирают понравившуюся вещь с витрины.

И теперь я лежала в темноте его багажника, играя роль на смерть перепуганной девчонки, хотя единственное, что меня по-настоящему раздражало — это испорченное шелковое платье, подкладка которого скрывала титановый стилет, тонкий, как игла.

Машина резко затормозила, так, что меня швырнуло плечом о жесткую стенку. Я издала приглушенный всхлип, ровно такой громкости, чтобы его слышали снаружи.

Щелчок замка прозвучал как выстрел. Крышка багажника взмыла вверх, впуская внутрь ледяной ночной воздух, пропитанный запахом сосен и подмосковной сырости.

— Вытаскивайте ее, — раздался грубый мужской голос. Не Демиан. Кто-то из его цепных псов.

Грубые руки схватили меня за лодыжки и потянули на себя. Я закричала — отчаянно, брыкаясь ровно настолько, чтобы казаться сопротивляющейся, но не настолько сильно, чтобы мне сломали ноги. Меня рывком поставили на землю. Мелкий гравий больно впился в босые ступни — туфли я потеряла еще при захвате.

— Иди, сучка. Босс ждет, — кто-то больно толкнул меня в спину дулом пистолета.

Я спотыкалась на каждом шагу, позволяя им тащить меня

по ступеням, затем по гладкому мрамору. Воздух изменился. Пропала сырость, ее сменил аромат тяжелого люкса: сандал, сигары, дорогой парфюм и та едва уловимая аура абсолютной, развращающей власти, которой пропитываются стены домов людей, привыкших убивать безнаказанно.

Меня швырнули на колени. Ковер был невероятно мягким, но удар все равно отозвался тупой болью в чашечках. Я опустила голову, позволяя плечам мелко, жалко трястись.

— Снимите это с нее, — голос, разрезавший тишину комнаты, заставил волосы на моих руках встать дыбом.

Это был он. Демиан Воронов. Голос низкий, с легкой хрипотцой, спокойный и обволакивающий, как бархатная удавка.

Мешок сорвали с моей головы вместе с заколкой, больно рванув волосы. Я зажмурилась от резкого, ослепительного света хрустальной люстры, а когда открыла глаза, первой эмоцией, которую я выдала, был чистый, первобытный ужас. Я сжалась в комок, тяжело дыша, глядя на него снизу вверх.

Демиан сидел в массивном кожаном кресле, закинув ногу на ногу. Он не выглядел как типичный бандит из криминальных сводок. На нем была белоснежная рубашка с расстегнутым воротом, обнажающим сильную шею, и темные брюки идеального кроя. В одной руке он держал стакан с янтарной жидкостью, на безымянном пальце тускло блестел массивный платиновый перстень.

Но его лицо... Лицо падшего ангела, перекроенное дья-

волом. Острые, хищные скулы, чуть изогнутая в сардонической усмешке линия губ, и глаза. Черные, абсолютно непроницаемые колодцы, в которых не было ни капли человечности. Только холодный, анализирующий голод. Он смотрел на меня не как на человека. Он смотрел на меня как на добычу. Как на птицу, которую он только что запер в своей золотой клетке.

— Ева, — произнес он мое фальшивое имя, смакуя каждый звук, словно пробуя его на вкус. — Моя маленькая, сладкоголосая Канарейка. Ты ведь знаешь, почему ты здесь?

— П-пожалуйста... — мой голос дрогнул, я заставила глаза наполниться слезами. Одна идеальная, крупная слеза скатилась по щеке. — Я ничего не сделала... Я просто пела... Отпустите меня. Я никому не скажу.

Демиан медленно поднялся. Его движения были текучими, бесшумными, как у пантеры перед прыжком. Пока он приближался, мой мозг сканировал его тело. Рост около ста девяноста сантиметров. Вес — восемьдесят пять килограммов чистых мышц. Центр тяжести смещен на левую ногу — старая травма колена? Пульс ровный. Скрытое оружие под левой подмышкой. Чтобы убить его прямо сейчас, мне нужно перерезать хомуты о край стола, сделать выпад вправо, вытащить стилет из-под платья и вогнать его снизу вверх, прямо под челюсть, в ствол сонной артерии. Три секунды. Пять литров крови на этом уродливом персидском ковре.

Но я не могла этого сделать. Мой приказ гласил: найти

флешку с финансовыми архивами синдиката, спрятанную в этом доме, и только потом ликвидировать объект. Придется играть в его игру.

Он опустился передо мной на корточки. От него пахло бергамотом, порохом и чем-то животным, темным, от чего у меня внутри, к моему собственному ужасу, внезапно скрутился тугой узел. Это был побочный эффект близости высшего хищника, выброс адреналина, который мое тело почему-то интерпретировало совершенно не так, как должно было.

— Никому не скажешь? — Демиан протянул руку. Его длинные пальцы с коротко остриженными ногтями коснулись моего лица. Кожа была горячей, почти обжигающей. Он стер мою фальшивую слезу большим пальцем. — О, моя птичка. Ты больше никогда и никому ничего не скажешь. Потому что с этой ночи ты принадлежишь мне.

Я инстинктивно дернулась назад, но его рука мгновенно скользнула на мой затылок, пальцы стальной хваткой вплелись в волосы, заставляя смотреть прямо в его черные глаза.

— Тихо, — прошептал он, и в его голосе зазвучала опасная, вибрирующая угроза. — Я не люблю, когда мои вещи ломаются в первый же день. Я наблюдал за тобой два месяца, Ева. Как ты поешь. Как опускаешь глаза, когда на тебя смотрят убудки в моем клубе. В тебе есть такая чистота, что мне хочется разорвать тебя на части, чтобы посмотреть, какого цвета твоя душа.

Если бы ты знал, Демиан, какого цвета моя душа, ты бы сам застрелился прямо сейчас, — подумала я, продолжая мелко дрожать. Мои губы приоткрылись в немом крике страха, дыхание стало прерывистым. Я чувствовала биение пульса на его шее, прямо под тонкой тканью рубашки. Так близко. Всего одно движение.

Он наклонился еще ближе. Его губы почти коснулись моего уха.

— В этом доме есть только одно правило, Канарейка, — его горячее дыхание обожгло мою кожу, заставив по спине пробежать рой мурашек, и я с ненавистью осознала, что это не только страх. В этом извращенном танце было какое-то болезненное притяжение. Два убийцы в одной комнате, но лишь один знает правду. — Подчинение. Абсолютное, беспрекословное подчинение. Если ты будешь петь для меня, я дам тебе золотую клетку. Если попытаешься вылететь... я сломаю тебе крылья. Поняла меня?

Он больно сжал мои волосы, заставляя откинуть голову назад, подставляя ему незащитное горло.

— Д-да... — выдавила я, глотая слезы. — Да, я поняла.

Демиан усмехнулся, его взгляд скользнул по моей шее, задержался на ключицах, тяжело вздымающихся от частого дыхания. В его глазах вспыхнул темный, собственнический огонь. Он был абсолютно уверен в своей власти. Он был уверен, что сломал меня еще до того, как начал ломать.

Он отпустил меня, брезгливо вытер руку о брюки и отвер-

нулся к бару, чтобы налить себе еще виски.

— Развяжите ее и отведите в западное крыло, — бросил он своим псам, даже не глядя на меня. — И закройте дверь. Завтра я начну ее приручать.

Пока охранник разрезал пластиковые хомуты на моих покрасневших запястьях, я опустила взгляд в пол, пряча в тени ресниц холодную, расчетливую улыбку.

Он думает, что запер в клетке птицу. Он не понимает, что сам пустил в свой дом гадюку. И когда я найду то, за чем пришла, я не просто убью его. Я заставлю его захлебнуться его собственной уверенностью.

Но когда я поднялась на затекших ногах и бросила последний взгляд на широкую спину мафиози, мое сердце, которое я так тщательно контролировала, внезапно пропустило один реальный, не запланированный удар. Игра началась, и я вдруг поняла: самое страшное в этой миссии не то, что он может меня раскрыть. Самое страшное — это то странное, обжигающее чувство, которое вспыхнуло во мне от его прикосновения.

Я — яд в его бокале. Но если я не буду осторожна, я выпью его сама.

Глава 2.

Утро в западном крыле началось не со света, а с прикосновения.

Шелковые простыни цвета темного жемчуга струились по моей обнаженной коже, лаская ее с пугающей, почти непристойной нежностью. Они обтекали изгибы тела, как прохладная, тяжелая вода, в которой так легко и приятно утонуть. Я медленно открыла глаза, позволяя чувствам пробуждаться одно за другим. Особняк Демиана Воронова не был тюрьмой в привычном смысле. Это была оранжерея порока, спроектированная так, чтобы узник сам, добровольно, отказался ее покидать.

Воздух в спальне был густым, почти осязаемым. Он пах влажной землей и приторно-сладким, дурманящим ароматом цветущих черных орхидей, расставленных в высоких хрустальных вазах. Этот запах проникал в легкие, замедлял сердцебиение и превращал мысли в тягучую патоку, притупляя инстинкт самосохранения.

Я спустила босые ноги на ковер, ворс которого интимно защекотал ступни, и неслышно подошла к окну. Огромные, от пола до потолка портьеры из рубинового бархата казались театральным занавесом. Я провела кончиками пальцев по их плотной, ворсистой текстуре — обманчивая мягкость, за которой скрывалась непреодолимая преграда. Раз-

двинув тяжелую ткань, я прижалась ладонью к стеклу. Оно было ледяным, безупречно прозрачным. И пуленепробиваемым. Несколько сантиметров полимера отделяли эту роскошную теплицу от сурового, серого мира снаружи. Здесь, внутри, я должна была цвести, дышать и трепетать только для одного зрителя.

В центре ванной комнаты, облицованной черным, как беззвездная ночь, мрамором, возвышалось огромное зеркало. Я встала перед ним, изучая свое отражение не как женщина, а как исследователь, готовящийся лепить из собственной плоти нужную форму. Тело — это не просто оболочка. Это величайший инструмент познания, холст, на котором можно нарисовать любую иллюзию.

Я заставила свои плечи поникнуть, чуть ссутулилась, стирая из осанки естественную грацию тренированного убийцы. Прикусила нижнюю губу ровно настолько, чтобы на ней остался влажный, призывный след незащитности. Взгляд из-под полуопущенных ресниц стал затравленным и влажным.

Страх... его нужно уметь носить. Я училась надевать на себя испуг, как искушенная куртизанка надевает тончайшее шантильское кружево. Оно не скрывает наготы, напротив — оно привлекает взгляд к самым уязвимым местам. Оно заставляет мужчину верить, что он абсолютно доминирует, что ему достаточно одного движения, чтобы разорвать эту хрупкую преграду. Мой животный страх перед Демианом должен

был стать для него самым изысканным бельем, призванным подчеркнуть мою мнимую жертвенность, в то время как глубоко внутри, под этим кружевом трепета, билась смертоносная, ядовитая суть.

Я повернула кран из литой бронзы. Горячая вода с шипением ударила в мраморную чашу, мгновенно наполняя комнату густым, душным паром. Он оседал на зеркале, размывая мое фальшивое лицо, оставляя лишь неясный, чувственный силуэт. Он собирался тяжелыми каплями на моей коже, согревая ее, пробуждая нервные окончания, заставляя кровь пульсировать быстрее в предвкушении грядущей игры.

Я опустила руку к сброшенному на пол платью, в котором меня привезли сюда. Пальцы привычно нащупали распоротый потайной шов. Холодный металл титанового стилета, тонкого, как игла, лег в мою ладонь.

Камера скрытого видеонаблюдения в углу могла зафиксировать лишь обнаженную девушку, готовящуюся принять ванну. Но она не могла передать этот идеальный, сводящий с ума физический контраст: обжигающий, влажный пар, нежно окутывающий мое податливое тело, и безжалостный, мертвый холод клинка, сжатого в моих пальцах.

В этой золотой клетке мне предстояло стать идеальным парадоксом. Самой желанной, трепещущей добычей, чьи объятия таят для хозяина дома неминуемую смерть. И самое страшное было то, что мое тело, согретое паром и воспоминаниями о его жестких руках в моих волосах, уже начало

предвкушать эту схватку.

Приглашение пришло с наступлением сумерек, когда тени в моей роскошной западной оранжерее стали длинными и хищными. Молчаливая служанка принесла платье — невестомый отрез черного шелка, скроенный так, чтобы не скрывать ничего, а лишь создавать иллюзию преграды. Ткань струилась по коже, холодя ее, напоминая о том, что в этом доме я не гостя. Я — трофей. Я — вещь, которую готовят к демонстрации.

Коридоры особняка дышали первобытной, тяжелой мужской силой. Запах моих орхидей сменился ароматом антикварного дерева, дорогой сигарной гаваны и тонким, металлическим предчувствием опасности. Мои босые шаги тонули в густом ворсе ковров. Каждый шаг приближал меня к эпицентру этой темной архитектуры власти — к нему.

Двери малой столовой были распахнуты. Пространство утопало в полумраке, разорванном лишь мерцанием свечей в массивных серебряных канделябрах. В воздухе висел тяжелый, плотный аромат жареного мяса с кровью, розмарина и выдержанного бургундского. Это был запах плоти и земли, запах хищника, вкушающего свою добычу.

Демиан Воронов сидел во главе длинного дубового стола. На нем была черная рубашка, рукава которой он небрежно закатал до локтей, обнажая сильные предплечья с выступающей вязью вен. Он не смотрел на меня, когда я вошла. Он методично, с пугающей грацией резал стейк, и этот ти-

хий скрежет металла по фарфору отдавался вибрацией где-то внизу моего живота.

Я остановилась в нескольких шагах от стола, опустив глаза, как и подобает сломленной жертве. Мой разум профессионального убийцы молниеносно оценил обстановку: нож для стейка в его руке (длина лезвия — двенадцать сантиметров, идеален для удара в сонную артерию), тяжелый подсвечник справа, бокал с вином. Я могла бы закончить все прямо сейчас. Но приказ требовал ждать. Приказ требовал играть.

Я ждала, что он укажет мне на стул. Но стула для меня не было.

— Подойди, Канарейка, — его голос, низкий, вибрирующий, разорвал тишину, словно бархатная удавка, стягивающаяся на горле.

Я сделала несколько неуверенных шагов вперед. Мое дыхание было прерывистым — я тщательно контролировала диафрагму, чтобы грудь вздымалась часто, имитируя панику.

Он наконец поднял на меня глаза. Черные, абсолютно непроницаемые колодцы. В них не было человеческого тепла; это был взгляд архитектора, оценивающего материал, из которого он собирается возвести храм своего порока. Его взгляд скользнул по моей шее, задержался на пульсирующей венке под ключицей, опустился ниже, туда, где тонкий шелк обрисовывал затвердевшие от прохлады соски. Это не было банальным раздеванием глазами. Это было проникновение.

Он касался меня своим вниманием так же осязаемо, как если бы проводил по моей коже наждачной бумагой.

— На колени, — произнес он. Без крика. Без угрозы. Констатация факта. Закон притяжения, который невозможно оспорить.

Внутри меня взвился дикий, обжигающий протест агента, привыкшего доминировать, привыкшего убивать таких, как он. Мой мозг кричал о гордости, о том, что одно резкое движение — и я сломаю ему кадык. Но философия выживания под прикрытием требовала иного. И я подчинилась.

Медленно, дрожа всем телом, я опустилась на пол у его ног. Твердое, прохладное дерево паркета больно уперлось в мои обнаженные колени. Я оказалась в позиции абсолютной, безоговорочной уязвимости. Мое лицо теперь находилось на уровне его бедер. Я чувствовала исходящий от него жар, запах бергамота, чистого мужского пота и темной, животной доминанты.

Для непосвященного стоять на коленях перед мучителем — это акт унижения. Но в тот момент, когда я опустила голову, позволяя тяжелой волне волос упасть на лицо, я начала понимать пугающую истину, о которой писали философы телесности. Унижение — это лишь социальный конструкт. На уровне плоти, на уровне чистой, первобытной химии, это положение таило в себе странную, извращенную свободу. Когда ты отказываешься от собственной воли, когда ты отдаешь контроль другому, ты больше не несешь ответственно-

сти. Остается только чистое восприятие.

Демиан отложил нож. Он взял из хрустальной вазы крупную ягоду темного винограда. Она была цвета запекшейся крови, покрытая сизым налетом.

— Открой рот, Ева, — мягко скомандовал он.

Я подняла на него глаза, полные искусственно вызванных слез, и послушно разомкнула губы.

Он не стал бросать виноградину мне в рот. Он медленно поднес ее к моему лицу. Его длинные пальцы, пальцы человека, привыкшего ломать кости и спускать курки, коснулись моей нижней губы. Кожа на его подушечках была шершавой, мозолистой. Этот контраст — его грубая сила и мягкость моих влажных губ — прошел мое тело электрическим разрядом, который я не планировала и не смогла подавить.

Он с нажимом провел большим пальцем по моей губе, приоткрывая ее шире, и медленно протолкнул ягоду мне в рот.

Я должна была просто проглотить ее. Я должна была отыграть отвращение и страх. Но когда тонкая кожица виноградины лопнула на моем языке, взрываясь терпким, сладким соком, мой разум предательски отключился. Сок смешался с соленым привкусом моей слезы, скатившейся в уголок губ, и с запахом его пальцев — запахом пороха и власти.

Я закрыла глаза. Мое горло судорожно сглотнуло. И в этот момент, повинуюсь абсолютно животному, неподконтрольному моему разуму инстинкту, мой язык едва заметно, кон-

чиком, скользнул по его большому пальцу, все еще задержавшемуся у моих губ.

Демиан замер. Воздух в комнате внезапно стал тяжелым, как перед грозой.

Мое сердце совершило дикий, аритмичный скачок. Это не было частью плана. Это не была моя актерская игра. Это была реакция моей плоти на высшего хищника. Мое тело, натренированное убивать, внезапно осознало, что насилие и наслаждение имеют одни и те же корни, питаются от одного и того же темного нервного узла в основании черепа.

Демиан не убрал руку. Напротив, он запустил пальцы в мои волосы на затылке, жестко фиксируя мою голову, и заставил посмотреть на него. В его черных глазах вспыхнул опасный, всепоглощающий огонь. Он искал в моем взгляде страх, но то, что он там увидел, заставило его дыхание на секунду сбиться. За моей фальшивой паникой он разглядел пробуждающуюся бездну.

В этот момент архитектура моего внутреннего мира дала трещину. Я поняла, что истинное подчинение не рождается из угрозы боли. Угроза лишь заставляет тело сжаться в ожидании удара. Истинное, абсолютное подчинение возникает тогда, когда жертва понимает, что руки палача могут приносить не только смерть, но и экстаз. Когда страх трансформируется в предвкушение, когда границы твоего собственного «я» растворяются в ауре того, кто держит твою жизнь на кончиках своих пальцев.

— Какая отзывчивая птичка, — хрипло прошептал он, и звук его голоса отозвался дрожью в моих бедрах. Его па-лец медленно, с садистской нежностью, очертил контур моих губ, стирая каплю виноградного сока.

Я дышала тяжело, глядя на него снизу вверх, чувствуя, как влага собирается не только в уголках моих глаз. Мой холодный, рассудочный план, выверенный до секунды, начал пла-виться в этом темном пламени. Я была агентом под прикры-тием. Я была ядом, созданным, чтобы остановить его серд-це. Но, стоя на коленях на этом холодном паркете, ощущая тяжесть его руки на своем затылке и вкус его власти на сво-ем языке, я с ужасом осознала: яд, который я несла в себе, начал отравлять меня саму.

Я пришла, чтобы запереть его в клетку смерти. Но его зо-лотая клетка порока уже захлопнулась за моей спиной, и, к моему величайшему стыду, я начинала любить звук ее пово-рачивающегося ключа.

Глава 3.

Ночь в особняке Воронова имела свою собственную, пугающую архитектуру. Днем это пространство подчинялось законам физики и криминальной иерархии, но после полуночи оно превращалось в лабиринт теней, где властвовали совсем иные силы. Тишина здесь не была отсутствием звука; она была густой, вибрирующей материей, сквозь которую мне предстояло прорезать свой путь.

Я покинула свои покои в начале третьего. На мне был лишь тончайший шелковый пенюар цвета слоновой кости — невесомая паутина, едва касающаяся кожи. Мои босые ступни бесшумно ступали по холодному мрамору коридоров. Я двигалась не как испуганная Канарейка, а как хищница, вышедшая на охоту. Каждое движение было выверено годами тренировок, каждое мышечное сокращение контролировалось холодным, расчетливым разумом.

Кабинет Демиана располагался в южном крыле. Массивная дверь из мореного дуба поддалась после короткой манипуляции с электронной отмычкой, спрятанной в моей закладке. Я скользнула внутрь, погружаясь в аромат дорогой кожи, выдержанного коньяка и того едва уловимого запаха который всегда сопровождает большие, грязные деньги.

Сейф скрывался за абстрактным полотном на стене. Я отодвинула картину, чувствуя, как адреналин холодит кровь.

Металл наборного диска обжег пальцы ледяным равновесием. Я прижалась ухом к холодной стали дверцы, закрыла глаза и начала медленно вращать лимб. Мой мир сузился до микроскопических щелчков механизма. В этот момент не существовало ни Демиана, ни моего фальшивого страха, ни пьянящего запаха орхидей. Только геометрия замка. Только приказ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.